

УДК 81'37
ББК 81.03

А.А. Козакова

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ ОБРАЗА
В.Я. БРЮСОВА
В ОЧЕРКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ
«ГЕРОЙ ТРУДА»**

Стремление раскрыть всю широту и неоднозначность натуры Брюсова приводит Цветаеву к очень своеобразному подбору лексики для характеристики своего героя. Своеобразие это заключается прежде всего в том, что с самых первых строк очерка большая часть цветаевских определений Брюсова имеет отрицательные (а иногда и резко отрицательные) с точки зрения узуса коннотации. Но при более глубоком анализе в потоке отрицательных характеристик выявляются слова, имеющие для Цветаевой особый смысл, при помощи которых поэт выстраивает свой прочный «памятник Брюсову».

Ключевые слова: *Цветаева, Брюсов, поэт, творчество, воля, волк, римлянин.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-142-150

Козакова Александра Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-55-27-396
E-mail: kozakova@inbox.ru

© Козакова А. А., 2018.

Очерк «Герой труда» стал первым объёмным и многоплановым «мемуарным портретом», написанным М. Цветаевой.

В центре внимания автора незаурядная и сложная личность В.Я. Брюсова, который у многих современников, в том числе и у самой Цветаевой, вызывал весьма противоречивые чувства от восхищения и безмерного уважения до яростной ненависти. Цель написания данной статьи – на основе семантического анализа лексики, характеризующей В.Я. Брюсова, проиллюстрировать одну из важных особенностей идиостиля М. Цветаевой – способность показать амбивалентность ключевых лексем текста, ценностную неоднозначность называемых ими понятий, многоплановость создаваемого образа, что приводит к трансформации значений слов в рамках выбранного семантического поля.

Именно стремление раскрыть всю широту и неоднозначность натуры Брюсова приводит Цветаеву не только к созданию оригинальной композиции, но и к очень своеобразному подбору лексики для характеристики своего героя. Композиционно очерк представляет собой набор воспоминаний М. Цветаевой о нескольких встречах с В.Я. Брюсовым, относящихся к разным временным отрезкам, а также развёрнутое сопоставление В. Брюсова с К. Бальмонтом, которые стали для М. Цветаевой символами двух противоположных разновидностей поэтов: поэт с врождённым Божьим даром (Бальмонт) и поэт, невероятным трудом добывающийся мастерства (Брюсов). При всей внешней

сюжетной несвязанности отрывков воспоминаний (сгруппированных в две большие части, состоящие из глав) при глубоком рассмотрении можно выделить несколько «главных путей» рассуждения поэта о поэте, которые в конечном итоге складываются в единый и очень чёткий портрет В.Я. Брюсова.

Особенностью стиля Цветаевой, как не раз отмечали А. Саакянц и Л. Мнухин в комментариях к Собранию сочинений поэта (см.: [Цветаева, IV]), является её необыкновенная субъективность в оценке других людей и постоянное обращение к интеллектуальному потенциалу читателя, своеобразная игра с ним, когда ему приходится получать не готовую информацию, а медленно продвигаться через намёки, аллюзии, иногда прямо противоположные конечному выводу суждения. Эту свою даже не особенность, а сознательную установку М. Цветаева чётко сформулировала в статье «Поэт о критике»: *«Эту усталость свою, по завершении вещи, я чту. Значит, было что перебороть и вещь далась не даром. Значит – стоило давать бой. Ту же усталость чту и в читателе. Устал от моей вещи – значит хорошо читал и – хорошее читал. Усталость читателя – усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая. Делает честь и читателю и мне»* [Цветаева, V, с. 274 – 296]. Применительно к очерку «Герой труда» такая зашифрованность и установка на разгадку читателем заданного привели к тому, что смысл очерка и отношение автора к своему герою не раскрываются при беглом прочтении, более того, создаётся прямо противоположное замыслу автора впечатление. Так, обычно студенты, работающие с текстом Цветаевой, буквально понимая написанное, приходят к выводу, что Цветаева отрицательно относится к своему герою. Показательным является и тот факт, что даже исследователи идиолекта Цветаевой, которых отличают глубина проникновения в тексты поэта и бережное отношение к ним, остаются в убеждении о преобладании отрицательных характеристик в образе В. Брюсова при сопоставлении его с К. Бальмонтом (см., например, анализ семантического поля «творчество» в работе [Литвинова, с. 187 – 192]) (и, учитывая примеры из текста очерка, приведённые ниже, с этим сложно спорить). В чём причина подобных трудностей, можно понять, проанализировав своеобразный подбор лексем для характеристики В. Брюсова.

Своеобразие это заключается прежде всего в том, что с самых первых строк очерка бóльшая часть цветаевских определений Брюсова действительно имеет отрицательные (а иногда и резко отрицательные) с точки зрения узуса и здравого смысла коннотации. Враждебность и опасность, исходящие от Брюсова (в восприятии Цветаевой), подчёркиваются и постоянным сравнением его с волком. При сопоставлении с Бальмонтом Брюсов явно проигрывает. Такой подбор слов и аналогий создаёт, на первый взгляд, портрет довольно неприятного человека, считающего себя по-этом, но лишённого творческого (божественного) начала.

Наглядное представление о характеристике В. Брюсова в очерке М. Цветаевой «Герой труда» дают выбранные из текста определения (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика Брюсова
<p>Лишён песенного начала.   Нужен слух. Его не было у Брюсова.   Антимузыкальность Брюсова.   Брюсов был сплошным берегом, гранитным (реки не было). За-городом (так у М.Ц.) набережная теряет власть.   Мрамор, а не гипс... Брюсов – камень.   Застёгнутый наглухо поэт.   В пределах воли человеческой поэт. Поэт предела.   Таким мне мерещится творчество Брюсова. А в высших его достижениях гранитным коридором, выход которого – тупик. Брюсов: поэт входов без выходов.   Из его книги выходишь, как из выгодной сделки... если чего и не хватает, то именно – неудовлетворённости.   Совершенство не есть завершённость. Под каждым стихотворением Брюсова проставленное «конец».   Брюсов не с рифмой сражался, а со своей нерасположенностью к ней. Поэзия как поприще для самоборения.   Жест варвара (довершить не законченное Пушкиным).   Пустой пьедестал, окружённый свистопляской ничевоков, никудыков, наплеваков. Лучшие – отпали, отвратились (отсылка к «Фаусту»: на пьедестале Мефистофель – А.К.)... Брюсов один. Не один над..., один – вне.   Не человек, а волк.   Я не любила Брюсова, он не любил кого-то из молодых поэтов, да ещё женщину, которых, вообще, презирал.   Улыбка! Только не наша, волчья. (Оскал, осклаб, ощер). Тут я впервые догадалась, что Брюсов – волк.   Влюблённость вражды (у Цветаевой к Брюсову).   Бездушность, скудосердие Брюсова.   Было у Брюсова всё: и чары, и воля, и страстная речь, одного не было – любви.   Смерть Блока – громовой удар по сердцу, смерть Брюсова – тишина от внезапно остановившегося станка.   [Брюсову в СССР] ширь – его узиям, теснотам его – простор!</p>

Важное место в очерке занимает и сравнительная характеристика двух противоположных типов поэтов (табл. 2).

После прочтения характеристик Брюсова, во множестве данных ему Цветаевой на протяжении всего текста очерка, всем носителям русского языка очевидно (даже и без обращения к толковым словарям), что в них преобладают отрицательные коннотации. Пожалуй, из определений поэта, представленных в обеих таблицах, невозможно найти такого, которое было бы наполнено положительным значением (*антимузыкальность, узок, бездарность, скука греха, тупик, конец* и т.д. – смотри выше). Складывается впечатление, что автор намеренно создаёт у читателя (и качественно, и количественно) демонический, хищный образ Брюсова, поэта-волка, бездарности (так у М.Ц.), неприятного человека. Но при более глубоком анализе в потоке отрицательных характеристик выявляются слова (и понятия), имеющие для Цветаевой особый смысл, при помощи которых поэт вы-

страивает свой прочный «памятник Брюсову». Отметим, что у Цветаевой положительными характеристиками наделяются зачастую понятия и явления, которые в языковом узусе имеют негативную или же нейтральную окраску. Слов «положительной» семантики в очерке «Герой труда» гораздо меньше. Но они играют очень важную роль в создании образа главного героя, дают представление об истинном отношении Марины Цветаевой к Валерию Брюсову. К наиболее важным для характеристики героя, на наш взгляд, относятся лексемы *волк, воля, вол, римлянин, труд*.

Таблица 2

Брюсов в противопоставлении Бальмонту	Бальмонт в противопоставлении Брюсову
<p>Сальери Полярность двух имён – дарований – темпераментов... Два лагеря, две особи, две расы. Два полюса творчества. В Брюсове тесно. Брюсов глухо. В Брюсове – скрип ключа. Творец-рабочий. Ничего от ребёнка – Брюсов. Творчество жилы. Брюсов, как губернёр, и играя – работает.</p> <p>«а сам не плошай» (Брюсов). Труд-проклятие. Труд человека на земле (Брюсов, виновность). В родстве со змием. Греховен насквозь. Ипосколькучтение – соучастие, чтение Брюсова – сопоступленчество... Необычайно ощутимый в нём грех (прах). И тяжесть стиха его – тяжесть греха (праха)... Грех без радости, без гордости, без горечи, без выхода. Грех как обычное состояние. Грех – пребывание. Грех – тупик... скука греха. (Таких и в ад не берут, не жгут). Победоносность Брюсова – победоносность воина, в целях своих и волей своей, останавливающего солнце. Если Брюсов образец непреодоленной без-дарности (то есть необретения в себе, никаким трудом, «рожденна, не сотворенна» дара), Брюсов демона не вызвал.</p>	<p>Моцарт Всё, что не Бальмонт – Брюсов, и всё, что не Брюсов – Бальмонт.</p> <p>В Бальмонте просторно. Бальмонт: звонко. Бальмонт: раскрытая ладонь – швыряющая. Творец-ребёнок. Ничего от рабочего – Бальмонт. Творчество игры. Бальмонт, как ребёнок, и работая – играет. Поделили поговорку: «На Бога надейся» (Бальмонт). Труд-благословение. Труд Бога в раю (Бальмонт, невинность). Труд Бога в раю, труд человека на земле. Восхищаясь первым, преклонимся перед вторым.</p> <p>Победоносность Бальмонта – победоносность восходящего солнца.</p> <p>то Бальмонт – пример непреодоленного дара.</p> <p>Бальмонт с ним не совладал.</p>

Полагаем, что названные слова формируют главные линии развития цветаевских рассуждений о Брюсове. Условно эти «сюжеты» можно было бы обозначить так: «Брюсов – волк», «Брюсов – римлянин» и основополагающее противопоставление «Брюсов – Бальмонт». Слова *воля* и *вол*, как увидим, соотносятся и с направлением «Брюсов – римлянин» (*воля*, *труд*, *вол*), и с направлением «Брюсов – волк» (здесь они сближаются на основе паронимической аттракции (созвучие сближает значение) – подробнее о паронимической аттракции смотри [Зубова, 1989, с. 25]. При том, что лексема *волк* окрашена в узусе отрицательно, а *римлянин* нейтрально («житель Рима»), в очерке «Герой труда» и – шире – в идиолекте М. Цветаевой эти слова наделяются устойчивыми положительными коннотациями.

«Брюсов – волк»

«Волчий» образ Брюсова рисуется Цветаевой штрихами, как бы выхватывающими из общей картины отдельные черты, убеждающие читателя в истинности такого восприятия: рассказ о первой (случайной, но символичной из-за названия) встрече с В. Брюсовым в книжном магазине Вольфа (*Wolf* – по-немецки «волк»); *волчья шуба* (которой укрыла на поэтическом вечере спящую дочь, не зная, что шуба принадлежит Брюсову); *глаза каре-жёлтые волчьи*; *волчья улыбка*; наконец прямой вывод: «*Тут я впервые догадалась, что Брюсов – волк*». Причём очевидно, что такое заключение является положительной характеристикой героя, в нём отражена явная симпатия автора: «*Ответный смех залы и – добрая* (выделено мной. – А.К.) – *внезапная – волчья – улыбка Брюсова. «Улыбка» – условность, просто внезапное обнаружение и такое же исчезновение зубов. Не улыбка? Улыбка! Только не наша, волчья. (Оскал, осклаб, ощер)*». Представление о связи человека и волка являются древнейшими в мифологиях разных народов [Иванов, 1991, с. 242]. И они, и фольклорные сюжеты, посвящённые волку, несомненно, были известны Марине Цветаевой, о чём свидетельствует всё её творчество. Образ волка в идиолекте Цветаевой неоднозначен, разнопланов, но это предмет для отдельного подробного исследования (см., например, анализ символики волка в лирике М. Цветаевой в статье Л.Б.Савенковой [Савенкова, 1997, с. 62]).

В очерке «Герой труда» главным в восприятии образа волка выступает, во-первых, мотив волка-одиночки, а во-вторых, известный сюжет римской мифологии о волчице, вскормившей основателей Рима. Одиночество Брюсова Цветаева подчёркивает неоднократно («*Брюсов один. Не один над..., один – вне*»). А одиночество поэта является, с точки зрения Цветаевой, неотъемлемой его чертой, без которой не может состояться настоящий поэт (вспомним «*Аз – что не бывает парой!*»). Следовательно, в данном контексте образ волка наделяется мощными положительными коннотациями. Несмотря на предыдущее, казалось бы, негативное описание черт характера Брюсова, появляется эпитет *добрая волчья улыбка*. Таким образом, Цветаева как будто играет с читателем: употребляя слова с отрицательными узуальными коннотациями (*волчий оскал*, более того, появляются окказиональные *осклаб*, *ощер*, что

обычно говорит о негативном отношении к обладателю такой улыбки), она вкладывает в понятие противоположный, положительный, смысл. Укрепляет нас в этом мнении и соотнесение образа Брюсова с безысходностью, унынием: «К Брюсову, как ни к кому другому, пристало слово “блудник”. Унылое и безысходное, как вой волка на большой дороге. И, озабоченность: ведь блудник-то среди зверей – волк!» [Цветаева, IV, с. 54]. Чтобы понять, почему так, нужно вспомнить, что безысходность, тоска понимались Цветаевой иначе, чем в узусе: тоска является необходимой чертой поэтического восприятия мира. Без тоски невозможен настоящий поэт, тоска является, по Цветаевой, основой поэтического ремесла [Козакова, 2014, с. 125 – 131]. Следовательно, наделение героя такими качествами, как безысходность, тоска, является его лучшей положительной характеристикой, так как этим признается его поэтическое мастерство, что и является целью написания очерка М. Цветаевой.

«Брюсов – римлянин»

Второй миф о римской волчице связывает два обозначенных сюжета в один («Брюсов – волк», «Брюсов – римлянин») и также наполнен для Цветаевой очень мощным положительным зарядом: «Три слова являют нам Брюсова: воля, вол, волк. Троиединство не только звуковое – смысловое: и воля – Рим, и вол – Рим, и волк – Рим. Трижды римлянином был Валерий Брюсов: волей и волом – в поэзии, волком (*homo homini lupus est*) в жизни» [Цветаева, IV, с. 20]. Что такое Рим для Цветаевой и почему он возник в связи с образом Брюсова, нельзя понять без привлечения других её произведений и писем. Наиболее значимым в этом плане, на наш взгляд, является автобиографический очерк «Отец и его музей», где сначала отрывочные детские воспоминания о скульптуре римской волчицы, вскормившей близнецов (которую маленькая Цветаева видит в книге отца и которая навсегда становится для неё символом Рима), перерастают в гимн подвижничеству, необыкновенному труду и таланту отца, создавшего один из выдающихся для нашей культуры музеев. Заканчивается очерк воспоминанием о подарке отцу знакомой после открытия музея (это был лавровый венок): «И, со всей страстью восхищения (ибо восхищение – величайшая из ведомых мне страстей!) – целует его, – тридцатипятилетняя красавица – почти семидесятилетнего старика, в увенчанный лаврами лоб.

Мгновение спустя (венки уже сняты и бережно положены на стол) просительница, все еще стоя и сжимая руки моего отца в своих:

– Хочу, чтоб вы знали: это – римский лавр. Я его выписала из Рима. Деревцо в кадке. А венки сплела сама. Да. Пусть вы родились во Владимирской губернии, Рим – город вашей юности (моей – тоже!), и душа у вас – римская. Ах, если бы ваша жена имела счастье дожить до этого дня! Это был бы ее подарок!

Отец мой скончался 30 августа 1913, год и три месяца спустя открытия музея. Лавровый венок мы положили ему в гроб» [Цветаева, V, с. 179].

Таким образом, Рим прочно ассоциируется у Цветаевой с образом отца и с «внешней» стороны (И.В. Цветаев изучал в молодости ок-

ский и умбрский диалекты, связанные с латинским языком и римской культурой; также его работы по собиранию коллекции для музея были во многом связаны с Италией и Римом, где он покупал произведения искусства или заказывал копии), и с «внутренней» (наблюдая с детства, каким тружеником был её отец, Цветаева прочно связала для себя представление о Риме, римской культуре, «римской душе» с трудом, со способностью быть тружеником, преодолевать усилием воли необычайные трудности, «пахать как вол»). Эта явно положительная характеристика отрывается от образа отца и оказывается приложима к образу Брюсова (вот они, *воля – вол – труд*): «Брюсов был римлянином. Только в таком подходе – разгадка и справедливость. За его спиной, явственно, Капитолий, а не Олимп. Боги его никогда не вмешивались в Троянские бои... Брюсовские боги высились и восседали, окончательно покончившие с заоблачьем и осевшие на земле боги. Но, настаиваю, матерьялом их был мрамор, а не гипс» [Цветаева, IV, с. 13].

Данная мысль выводит нас на следующий из обозначенных сюжетов: «Брюсов – Бальмонт». Как уже было сказано, эти два имени символизируют для Цветаевой два типа поэтов: поэт с Божьим даром и поэт, упорным трудом достигший мастерства. Рассуждая об этом, Цветаева семантически сближает слова *воля – вол*, воспринимая волю в том числе и как способность к тяжёлому труду: «Пушкин не знал своих возможностей, Брюсов – свои невозможности – знал. Пушкин писал на авось... Брюсов наверняка... Волей чуда – весь Пушкин. Чудо воли – весь Брюсов. Меньшего не могу (Пушкин. Всемоощность). Большого не смогу (Брюсов. Возможности). Раз сегодня не смог, завтра смогу (Пушкин. Чудо). Раз сегодня не смог, никогда не смогу (Брюсов. Воля). Но сегодня он – всегда мог» [Цветаева, IV, с.16].

При, казалось бы, явном неравенстве определений (см. табл. 1, 2), при восхищении Бальмонтом и нелюбви (о чём заявляется открыто и неоднократно) к Брюсову, проанализировав «скрытые» ключевые моменты (*волк – вол – римлянин*), мы вслед за Цветаевой приходим к однозначному выводу: Брюсов достоин восхищения прежде всего потому, что он *римлянин*, «герой труда». «Брюсов в хрестоматии войдёт, но не в отдел «Лирика» – в отдел, и такой в советских хрестоматиях будет: «Воля», – напишет Цветаева [Цветаева, IV, с. 63], прочно связав с трудом и волей две «линии жизни» Брюсова: «римскую» и советскую (табл. 3).

Таблица 3

<p><i>И не успокоится моё несправедливое, но жаждущее справедливости сердце, покамест в Риме – хотя бы в отдалённом из пригородов его – не встанет – в чём, если не в мраморе? – изваяние СКИФСКОМУ РИМЛЯНИНУ РИМ</i> [Цветаева, IV, с.21]</p>	<p><i>И не успокоится моё несправедливое, но жаждущее справедливости сердце, пока в Москве, на самой видной её площади, не встанет – в граните – в нечеловеческий рост – изваяние: ГЕРОЮ ТРУДА СССР.</i> [Цветаева, IV, с. 63]</p>
--	--

Таким образом, Цветаева, показывая амбивалентность значений ключевых слов, трансформируя эти значения в рамках выбранных семантических направлений, оставаясь субъективной в отношении к своим современникам и своеобразной в ассоциациях, оригинально решила трудную задачу (отдать дань памяти В. Брюсову, «судить, не осудив»), о которой писала в одном из писем к Анне Тесковой: «...*вопреки отталкиванию, которое он мне внушал, дать идею его своеобразного величия*» [Цветаева, IV, с. 638].

Литература и источники

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

Иванов В.В. Волк // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т.1. С. 242.

Козакова А.А. Концепт «Тоска» в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Изв. Волгоградского пед. ун-та. Филол. науки. 2014. № 5 (90). С. 125 – 131.

Литвинова И.А. Пространственные оппозиции как репрезентанты СП «Творчество» в идиолекте М.И. Цветаевой // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2017. № 2. С. 187 – 192.

Савенкова Л.Б. Образ-символ *волк* в лирике М. Цветаевой // Русский язык в школе. 1997. № 5. С.62.

Цветаева М.И. Собр. соч. в семи томах. М.: Эллис Лак, 1994 – 1995.

References

Zubova L.V. *Poehziya Mariny Tsvetayevoy. Lingvisticheskiy aspekt.* L., Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. (In Russian).

Ivanov V.V. Volk. *Mify narodov mira. Ehntsiklopediya.* M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1991, t. 1, p. 242.

Kozakova A.A. Kontsept «Toska» v poehticheskom idiolekte M. Tsvetayevoy. *Izv. Volgogradskogo pedagogicheskogo un-ta, Filol. nauki*, 2014, no. 5 (90), pp. 125-131.

Litvinova I.A. Prostranstvennyye oppozitsii kak reprezentanty SP «Tvorchestvo» v idiolekte M.I. Tsvetayevoy. *Izv. Yuzhnogo federal'nogo un-ta, Filol. nauki*, 2017, no. 2, pp. 187-192. (In Russian).

Savenkova L.B. *Obraz-simvol volk v lirike M. Tsvetayevoy. Russkiy yazyk v shkole*, 1997, no. 5, p. 62.

Tsvetaeva M.I. *Sobraniye sochineniy v semi tomakh.* M., Ellis Lak, 1994-1995.

Alexandra A. Kozakova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Lexico-semantic Analysis of V. Bryusov's Image in M. Tsvetaeva's Sketch "Labor Hero"

The center of M. Tsvetaeva's attention is remarkable and complex personality of V. Bryusov, who evoked very contradictory feelings from admiration and immense respect to fierce hatred in many contemporaries.

It is precisely the desire to reveal the whole breadth and ambiguity of the nature of V. Bryusov that leads Tsvetaeva not only to create an original composition, but also to a very peculiar selection of vocabulary to characterize his character. The peculiarity of this lies primarily in the fact that from

the very first lines of the essay, most of Bryusov's color definitions really have negative (and sometimes sharply negative) terms of connotation (*anti-music, barbarian gesture, hostility, Salieri, and many others*). The hostility and danger emanating from Bryusov (in the perception of Tsvetaeva) is also emphasized by his constant comparison with the wolf. Such a selection of words and analogies creates, at first glance, a portrait of a rather unpleasant person who considers himself a poet, but is devoid of creative (divine) principle.

But with a deeper analysis in the stream of negative characteristics, words (and concepts) are revealed that have a special meaning for Tsvetaeva, with the help of which the poet builds his strong "monument to Bryusov". The words of "positive" semantics are much less than the lexemes of the previous group. But they play a very important role in creating the image of the protagonist. The most important lexemes are *wolf, will, Roman, labor*.

Thus, Tsvetaeva originally decided the difficult task of showing the greatness of V. Bryusov, while maintaining an ambiguous attitude towards him.

Key words: *Tsvetaeva; Bryusov; poet; creativity; the will; Wolf; Roman.*

Alexandra A. Kozakova – candidate in Philology, associate professor. Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: 8-918-55-27-396; e-mail: kozakova@inbox.ru